

БОЛВАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Потехин

Дмитрий Владимирович Потехин

Болван

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47750647

SelfPub; 2022

Аннотация

Богатый московский мафиози приобретает у знакомого археолога древнего глиняного истукана, который, по легенде, способен исполнять желания. Однако у живущего внутри могущественного духа свои планы.

Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Потехин

Болван

Глухово

Каждое лето Коля Чайкин вместе с семьей ездил на дачу в Глухово. А, впрочем, эту историю, наверное, следует начать не с него...

Следует, выйдя из калитки Колиной дачи, пройтись по главной улице, где с одной стороны – сетчатые и дощатые ограды с облепиховыми зарослями и канавами, а с другой тянется насколько хватает взгляда обширный скошенный луг. Раньше этот луг цвел густым морем колосющейся травы, ромашек, иван-чая и желтоглазой полыни, но потом его начали застраивать дачами. Теперь от бывшего раздолья мало что осталось.

Каменистая дорога бежит все дальше. Мимо крохотного магазинчика, где дачные ребяташки покупают мороженное, а мужчины выпивку. Мимо давным-давно, еще в незапамятные времена закрытой, облупившейся сторожки. До огромного чугунного шлагбаума, похожего на колодезного журавля.

Потом дорога, пробежав еще сотню метров прямо, сворачивает на запад, мимо размалеванного ругательствами непонятно кому и зачем нужного складского ангара. Перехо-

дя в пыльно-серую, растрескавшуюся асфальтовую полосу, устремляется под гору. Катиться по такой дороге вниз на велосипеде одно удовольствие.

А дорога мчится и мчится, рассекая пространство лугов, мимо обступивших ее вереницей берез и лип, мимо колышущихся трав и звенящих полчищ кузнечиков.

Внизу, там, где даже в самые ясные дни, кажется, всегда пролегает прохладная тень, путника ждет Т-образный перекресток.

Справа – бурые кирпичные руины (там по ночам любят собираться и жечь костры загородные неформалы). Церковь, построенная еще при царе-горохе и разрушенная так давно, что никто уже не помнит, как она выглядела. В километре от нее близ перелеска едва заметно светлеют кресты далекого кладбища.

Слева – тоже руины. Бледное трехэтажное здание. Когда-то пионерлагерь, а теперь груда щебня в четырех стенах. За руинами магазин, у которого иногда останавливаются едущие из Глухово машины дачников.

За толстым мертвым остовом дерева, разинувшим навстречу путникам корявое дупло, вниз по склону спускаются две узенькие, страшно крутые тропинки, по которым без подготовки скатиться кубарем немудрено. Самая крутая и длинная уходит к роднику, а та, что полегче и покороче ведет к реке.

Среди дачников даже пятилетний ребенок знает этот

путь. Знает, каково сидеть на кустистой траве у самого края откоса и глядеть на ползущую вдаль в диких ивовых дебрях бронзово-зеленую реку. Любоваться раскинувшимися на том берегу необъятными лугами, опоясанными на горизонте сумрачной кромкой леса. Нигде больше не сыщешь такого неба. Нигде еще не увидишь льющие далеко-далеко из грозowych туч призрачной стеною дожди и проступающую в небе нежную двойную улыбку радуги.

Где-то там над рекой летают чернокрылые стрекозы и ласточки, цветут хрупкие огненно-желтые кувшинки и тянутся по течению космы подводной травы, словно волосы таинственных русалок.

Новый кореш

Он никогда не видел этой красоты. Его дом стоял на берегу реки, обнесенный кирпичной стеной с тяжелыми металлическими воротами.

Утром, выйдя во двор в мятых спортивных трусах, он не без гордости разглядывал свои внушительные владения: трехэтажный кирпичный дом, похожий на средневековый замок с узкими арочными окнами, декоративными башенками и даже неким подобием зубчатой крепостной стены. Никакого единого стиля здесь, конечно же, не было. Впрочем, пять лет назад никто не заморачивался такими мелочами. Строили все, что в голову взбредет. Архитекторы были толь-

ко рады воплощать самые дикие задумки своих богатых хозяев.

Чуть поодаль – дом для гостей в два этажа, построенный уже четко в английском стиле. За ним – роскошная, позолоченная солнцем бревенчатая баня с бассейном прямо у порога. Посреди газона двое таджиков или узбеков мостили пол будущей шашлычной беседки.

Подышав полной грудью, пощупав шрам от пули на левом боку, он возвращался в дом, пил кофе с коньяком, и, потыкав толстым пальцем кнопки мобильного, беседовал с Сашком, Жекой, Каленым или Каримом о насущных делах: распределении братков по точкам, графике поборов, деталях предстоящей сделки, стрелки или банкета.

После этого он зажигал свой широченный корейский телевизор и мял пальцем без особой цели кнопки пульта. Потом вставал, без охоты работал на тренажерах. Звонил врачу по самой главной проблеме. Снова выходил подышать. Окунался в бассейн. Возвращался в дом, через силу читал Дина Кунца. Обедал.

Далее обычно следовали какие-то немногочисленные дела, требовавшие его личного присутствия. Тогда он садился в свой иссиня-черный, сверкающий серебристой пылью «Вольво» с тонированными стеклами и выезжал на дорогу.

Его громадный автомобиль несся мимо мелких, тихих, жавшихся к обочинам «Жигулей», «Волг», «Запорожцев», внутри которых сидели обладатели белых панамок и

очков в толстых оправках. Куры, завидевшие коршуна.

Ему нравилось невзначай нагонять испуг. Это был его величайший талант еще со школьной парты. Вторым была, как ему хотелось думать, сила и жесткость характера. Третьим – хитрость, которую он развил в армии и считал проявлением своего незаурядного ума.

В тот день его «Вольво» остановился у покосившейся ограды старого деревянного, побитого временем как сухарь, но все-таки пока еще дома. Точивший на крыльце ножи старый еврей с полуседой бороденкой некоторое время хмуро глазел на машину, поблескивая стеклами очков. Потом судорожно поднялся и, нервно отряхиваясь и кашляя в кулак, пошел отворять калитку.

– Толя... здрасьте!

– Здоров.

– Идемте. Щас я вам чайку сделаю, – старик заковылял в дом.

– Какой чаек, жара!

– А... и правда. Пива холодненького? Ой да – вы же за рулем...

– Пива можно.

Дома старик достал из дребезжащего «Юрюзаня» зеленую бутылку и, пшикнув, налил «Толе» в граненый стакан ледяного светлого.

– Небось, надеешься, что я от твоего пивка в дерево вмажусь? – он ехидно подмигнул хозяину жестоким бесцветным

глазом. – А, Михал Моисеич?

– И в мыслях такого не было, – Моисеич категорично, даже оскорбленно помотал головой. – Что вы наговариваете! Вы человек приличный, я вас знаю давным-давно...

Толян осушил стакан и отвалился на скрипучую спинку стула.

– Так че у тебя там?

– Скинхеды... – удрученно вздохнул Моисеич, опустив глаза. – Все, что было на складе... все... все сожгли. Фургон разбили...

– Тебя мусора предупреждали, что так будет?

– Хех... предупреждали! Они и сами-то...

– Ну предупреждали или нет?

– Да.

– Ну вот. Ты думал с тобой будут шутки шутить? Думал, как при совке у бога за пазухой поставишь в подвале швейный комбинат – тят-ляп и хата под Сочи?

– Не-е... Так я, конечно, не думал...

– Не туда ты влез Моисеич! – глухо заговорил Толян, глядя на старика словно бы издали. – На себя посмотри. Ты ж динозавр! Сидел бы в своем НИИ, продавал свои статьи, диссертации. То, что по жизни умеешь делать. Крепче спал бы, дольше бы жил.

Моисеич мрачно кашлянул и уставился на порезанную клеенчатую скатерть, барабанил по ней сухим пальцем.

– Деньги нужны. Сейчас, – невозмутимо продолжал То-

лян.

– Ну откуда они у меня? – глаза старика нервно выглянули из-под косматых бровей.

– Откуда... У тебя верблюда случайно нет?

– Н-нет.

– Значит, и правда неоткуда. Тогда я тебя убью.

Моисеича передернуло, как от удара током.

– Толя... ты... вы что?!

– Ну если ты у меня взял и не отдал. Че мне с тобой делать?

Толян опустил руку под стол, словно у него в кармане был пистолет.

– Вы п-прекращайте такие шутки! – запинаясь и трясясь, забормотал старик. – Еще чего! Я доктор наук! Я т-тридцать пять лет...

– У тебя деньги есть?

– Нет денег, нет! У сына есть! Щас я ему позвоню.

– Лады! – Толян довольный своей шуткой хлопнул в ладоши, поднимаясь со стула. – Видишь, как все быстро нарисовалось! Скажи ему, пусть ко мне в Глухово подъезжает.

– Он за границей живет.

– А-а... Ну тогда пусть переведет.

Моисеич убежал в другую комнату и вынес большой черный мобильник с антенной.

Чтобы дозвониться потребовалась целая вечность.

– Боря! Да, хэллоу сан! Мне... Послушай! Мне очень

срочно надо, чтобы ты поехал в банк и сделал перевод... Нет, не в этом дело! Одному человеку... Ну какая разница, мне это позарез надо! Жизненно надо! Девяносто тысяч. Я тебе говорю, от этого зависит моя жизнь! Нет, не шутка! Он вот рядом со мной сейчас стоит с пистолетом! Что значит, у тебя нет! Ты издеваешься! Слушай... Хех! Я тебя часто в жизни обманывал? Каких на хрен копов! Это у вас там в Майами копы, а у нас менты драные! Я тебе говорю... Борь! Алло! Боря!

Мертвый женский голос возвестил, что связь прервана.

– И у него тоже пока нет, – провалившимся голосом вымолвил Моисеич.

– Ну че мне с тобой делать-то?

– Толя, я вас очень прошу сейчас...

Толян с кислой миной отмахнулся.

– Я тебя уважал! Я тебе верил! Я был мальцом, ты для меня был дядя Миша, я это помню, понимаешь? И всегда буду помнить.

– Понимаю.

– Но простить я тебя не могу.

– Деньги будут. Щас он с кредитом своим вшивым разберется!

– А если ты мне врешь в глаза?

– Я?!

– Ага. Ты, может, думаешь, я... думаешь, у меня мозги от хорошей жизни заплыли?

Толян отпил из бутылки и, шаркая шлепанцами, направился к лестнице.

– Че ты мне никогда верхний этаж не показывал? А сам туда бегал. Может, у тебя кубышка там, а? С червонцами...

Он стал подниматься по лестнице, отозвавшейся мучительным треском пыльных ступеней.

– Сюда иди! Или решил сбежать тайком? Михал Моисеич!

Делая то, что вряд ли бы надумал, если б не выпил, Толян сначала вломился в бывшую спальню, где на голой доске кровати валялись окаменелые с прошлого лета горошины. Потом дернул дверь второй комнаты и убедился, что та заперта.

Вверх по лестнице затопали старческие ноги. Толян обернулся и увидел злые черные глаза и остервенело сжатые губы.

– Вот, бери! – Моисеич сунул ему под нос две золотые медали. – Бери, бери! Я б их все равно продал рано или поздно!

– Кончай, – вяло отрезал Толян и постучал пальцем по двери. – Че там у тебя?

– Барахло всякое!

– Открой.

– А провались оно... – старик, кашляя и ворча поплелся вниз.

– Давай, давай! А то, если хочешь, я медальки возьму!

Через минуту Моисеич вернулся со связкой почерневших

от времени ключей.

Натужно крикнул замок. В полутьме Толян к своему немалому изумлению разглядел множество диковинных предметов. Был здесь и громадный иудейский светильник-ханукия, и мушкет восемнадцатого века с истлевшим прикладом, пять узкоглазых деревянных болванчиков, облупившаяся статуя Будды, какие-то глиняные миски, горшки, серебряный гравируемый турецкий кофейник.

В темном углу торчал самый колоритный экспонат: сделанный в метр высотой пузатый глиняный урод без какой-либо одежды с широкой как у жабы щелью рта, по-свиначьи вздернутым носом и близко посаженными крокодиловыми глазенками. Безобразно злая, презрительная харя.

– Это у тебя че тут?

– Че... – пробурчал Моисеич. – Из запасников. В девяносто третьем, когда музей закрыли, с имуществом катавасия вышла. Мне, как доверенному лицу...

– А-а, вот оно что! – ощерился Толян. – Я-то все думал: на кой вы, археологи, древний хлам откапываете, раз ничего себе оставить не можете? В чем кайф? А тут гляди-ка... Во-она, что наша профессура на чердаках хранит!

Он хлопнул Моисеича по спине, как старого приятеля, чуть не сбив его с ног.

– Я... вас попрошу ничего не трогать.

– Я тя тоже попрошу!

Толян вошел в комнату и начал разглядывать предметы,

непрерывно шупая каждый из них.

Глиняный толстяк, с самого начала приковавший его внимание, рождал в памяти какой-то смутный знакомый образ.

«Это ж Бурят... голый в бане!»

– Япона мать, точно Бурят – один в один! – прошептал Толян, глядя болвана пальцами по лысой голове. – Только цепи не хватает! Моисеич, зажги свет!

– Здесь лампы нет.

– А елки! Этот... как его? Кто это?

– Статуя-копилка из Иордании. Четырнадцатый век. Поразительно хорошо сохранилась... Нет! Ну не трогайте!

– Да я подвинуть хочу ближе к свету! – пропыхтел Толян.

– Вы ее не вытаскивайте, сломаете только! Она пережила Мамлюкский султанат, нашествие Тамерлана, Османскую империю, Арабо-израильскую войну сороковых годов!

Моисеич раздраженно вздохнул и выдавил то, что, кажется, само не хотело слетать с языка.

– Там внутри... джинн. Вязь на подставке гласит.

– А куда ему деньги совали?

– В рот.

«Надо его Буряту подарить!» – ни то в шутку, ни то всерьез подумал Толян.

– А этот джинн, случайно, за бабки желания не исполняет?

Моисеич пожал плечами и ничего не ответил. В этот миг он напомнил Толяну кого-то из его давно забытых школьных

учителей.

– Значит так, – заявил Толян, выходя из комнаты. – Будешь сегодня дома. Часа через три к тебе заедет грузовик, и мои люди все это отсюда вынесут. Ты им объяснишь, как упаковывать, чтобы ничего не разбилось. Понял?

– Толя... – с задавленной ненавистью проскрипел Моисей.

– Ну понял, да? А то у тебя не сегодня-завтра дом развалится и все добро похоронит. Не годится это... Не проявляешь должной ответственности!

Толян хлопнул старика по костлявому плечу и, насвистывая, двинулся вниз по лестнице.

Глиняного болвана он уже мысленно окрестил корешем.

У реки

Коля крепко завязал шнурки своих новых, правда уже потускневших от пыли кроссовок, заткнул в носок десятирублевку на жевачку или мороженное, поправил очки и полуодетый подошел к зеркалу. Все нормально, кроме дурацких полос на спортивных штанах, которые почему-то сделали зелеными. Шмотки были привезены отцом из Чехии.

«Там такая фигня в моде...»

Он по-киношному напряг все мышцы, которые несмотря на семилетние занятия плаванием все еще не казались внушительными.

Прибрал рукой стожок давно нестриженных и нечесанных волос на голове.

Вышел из дома.

– Ты на реку? Обгоришь! – крикнула мать.

Коля выкатил из-за гаража высокий, похожий на металлическую стрекозу велосипед и, оседлав его, тронулся в путь.

Алинка, загорававшая в шезлонге, проводила его своим обычным бездушно-насмешливым взглядом.

Ласковый ветер приятно бил в лицо и щекотал плечи. Под колесами шуршали камешки. Солнце палило так, что деревья, дома и трава словно горели изнутри.

«Может, и правда поплавать? Надо было плавки надеть...» – запоздало подумал Коля, когда впереди уже нарисовались четверо ребят с велосипедами.

Купаться ему в глубине души не особенно хотелось. Накучило. Хотелось съездить подальше за реку, где он еще никогда не бывал. Может быть, даже до соседней деревни.

Возле магазинчика стояли Алешка, Влад, Максим и его сестра Рита.

– Ну че, едем?

Коля заметил на плече у Риты замысловатую черную тату.

«Наверно, только что из Турции...» – с белой завистью подумал он.

Рита ему нравилась. Впрочем, как и несколько других девчонок в Москве.

– Наперегонки? – предложил Влад.

Состязаться в такую жару было сродни заплыву в огромной горячей ванне. К тому же Рита ездила только на багажнике брата и была бы обузой.

Неспеша проделав знакомый как пять пальцев путь, друзья достигли крутого спуска, ведущего к реке.

– Я не пойду купаться, – хмуро промолвила Рита, опустив свои меланхоличные карие глаза.

Никто не стал спрашивать, почему. Плавать в мальчишеской компании вряд ли было бы для нее удовольствием. Видимо Рита ехала с ними лишь для того, чтобы полюбоваться пейзажем со склона.

– Я тоже не пойду, – сказал Коля, не желая кривить душой.

– А ты-то че? – удивился Алешка.

– Да так... надоело.

– Ясен корень!

– У меня все равно плавок нет. Лучше посторожу велики. Максим многозначительно кивнул сестре.

– Смотри! Мало ли...

Он воображал, что за Ритой ходит свора недостойных воздыхателей, в числе которых может быть и Коля Чайкин. Коля примирительно махнул ему рукой.

Ребята стали спускаться к реке. Рита села на траву, сняла сандалии, и, обхватив тощими руками ноги, устремил взгляд вдаль.

– Хочешь? – Коля протянул ей столбик жевательных конфет.

Рита молча положила белую подушечку в рот. Ее красивое, чуть смуглое чернобровое лицо хранило апатичное выражение.

– Ты без рубашки ходишь, чтобы покрасоваться? – спросила вдруг она.

– Э-э... нет, – уязвленно солгал Коля.

Ему стало неприятно, словно в него вдруг брызнули грязной водой.

– Просто... лето же... Вы снова в Турцию ездили?

– Да.

Наступило хрупкое молчание.

Коля смотрел на далекие луга за рекой, на два кирпичных дома, которые построил для себя в низине никому не знакомый новый русский. Сейчас возле открытых ворот стоял небольшой грузовик, а двое парней вытаскивали из кузова какие-то коробки и несли в дом.

– Папа говорит, его убьют, – спокойно сказала Рита.

– С чего бы? – хмыкнул Коля.

– Слишком много денег тратит. Мой папа знает, он крутой.

Отец Риты и Максима и правда был крутым. Конечно, не таким, как этот богач. У него был черный джип, хороший новый дом со спутниковой тарелкой и вечнозеленым газоном. Каждое лето он возил семью на юг.

– Почему они все нас ненавидят? – спросила Рита.

– Никто вас не ненавидит.

– Нет, ненавидят. Считают нас черными, говорят, будто мы чеченцы.

– Не знаю, ни разу не слышал, – честно признался Коля.

– А оттуда нас выгнали, наоборот, за то, что мы наполовину русские.

«Оттуда...»

Коля не помнил откуда именно. За время его недолгой жизни появилось столько неизвестных прежде, похожих друг на друга стран с какими-то унылыми, презренными названиями (по крайней мере, о них чаще всего говорили с презрением).

– Раньше были граждане державы! – ворчал порой Колин дед. – А теперь они кто? Узбеки, таджики, молдаване, нигерийцы, танзанийцы и прочие папуасы. Ну и ниче, пусть теперь бетон месят!

Как относились в поселке к семье Риты Коля не знал. Возможно лишь потому, что жил от них через три улицы.

Парни уже выгрузили все, что было в кузове, покурили и, сев в машину, поехали в направлении Глухово. Хозяин дома в белом купальном халате неуклюже одной рукой затворял ворота, параллельно продолжая говорить с кем-то по сотовому.

Ему тоже доставалось от дачников. Правда он об этом не знал. А если б даже узнал, ни капли не расстроился бы, зная, что никогда не пересечется с их миром.

Ребята внизу всюду плавали, плескали друг в друга водой.

До слуха доносились их отрывистые крики.

– Если б у тебя было столько денег, сколько у него, что бы ты сделал? – неожиданно спросила Рита.

Это явно был вопрос с подвохом, и Коля не знал, как лучше от него уклониться.

«Вложить их – спросит: а куда? Раздать бедным – засмеет».

– Да то же, наверно, что и он, – без уверенности сказал Коля и лег на спину, жмурясь от солнца.

– Чтобы тебе все завидовали?

– А почему бы нет? Только поскромнее... чтобы, как говорит твой папа, не замочили вдруг.

Что-то легкое и цепкое шлепнулось ему на живот. Коля открыл глаза и увидел перед собой большого зеленого кузнечика. Вскрикнул и, стряхнув его, как ошпаренный вскочил на ноги. Он терпеть не мог крупных насекомых.

Рита, фыркнув, залилась тихим, коварным смехом.

– Хватит, а! – огрызнулся Коля, подбирая слетевшие очки.

Он гневно посмотрел в искрящиеся насмешкой глаза Риты и в самых мрачных чувствах стал спускаться по крутому склону к реке.

Он был уверен, что никогда больше до конца жизни не заговорит с ней. Уверенность эта, впрочем, растаяла через полчаса.

Ковчег

Толян протянул гостю свою тяжелую ладонь и почувствовал, как тонкие, слабые, точно лапы вареного краба пальцы осторожно пощупали ее.

– Как поживаете? – осведомился Толян, стараясь придать своему обычно грубоватому голосу любезность.

– Слава богу, – ответил уклончивый смиренный полушепот.

– Садитесь!

Отец Савелий мельком перекрестился на икону, плавно, словно боясь нарушить тишину, отодвинул стул и сел за дорогой овальный стол, настолько гладкий, что по нему, кажется, можно было скользить на коньках.

Этот низкорослый, щуплый, даже не то, чтобы старик (до Моисеича ему было дряхлеть и дряхлеть), но какой-то похожий на одуванчик своей беззащитностью ветхий человек вызывал в окаменелом сердце Толяна тень умиления и даже почтительности.

Его худое бледное лицо держало маску скорбной настроенности, словно он от рассвета до заката жил в ожидании страшного конца. Глаза смотрели с затаенным мученическим остервенением. Тонкие губы, обрамленные седой бородой, искусаны до красноты.

– Как ваши дела, Анатолий?

– Да тоже так... слава богу.

Толяну вдруг дико захотелось курить. Однако он знал,

что, если это сделает, проповеди на тему «воскурений диаволу» не избежать.

– Господь вас очень любит, – проникновенно заговорил отец Савелий, скрестив на столе белые пальцы. – Вы видите, чего вы достигли за столь короткое время. Вы стали по-настоящему большим человеком, сохранив при том насколько это возможно чистоту души.

– Повезло, – пожал плечами Толян.

– Везение – отговорка нищих духом и горделивых атеистов. Сколько раз господь уберегал вас от смерти? Сколько раз выводил из тьмы? Помогал решить неразрешимое?

– Да... было, – криво улыбнулся Толян.

Он до сих пор просыпался в поту, когда во сне ему снова разбивали башку в тюремной камере, или пистолетная пуля каленым сверлом вонзалась в ребра.

В дверь постучали. Недавно нанятая миловидная горничная в красном мини-платье принесла чай.

– С сахаром ни-ни, только с медом, – пугливо предупредил священник.

– Где ж я тебе... для вас возьму мед? С детства его ненавидел, – пробурчал Толян, вылавливая из чашки лимон.

«Пить с сахаром – грех. Е-мое, как он вообще живет?» – усмехнулся про себя Толян. – «Всего на свете боится, святоша, епт... Прости, господи!»

Впрочем, отец Савелий, хоть и боялся всего на свете, но трусом и тихоней вовсе не был.

В советские времена он состоял в диссидентских кружках, боролся за спасение веры и национальное возрождение, за что чуть не угодил в сумасшедший дом.

После распада СССР занимался обличением нравов в церкви и в политике. Пробовал создать общественный комитет «За исцеление русской души». Пытался основать братство для борьбы с «сатанинскими веяниями» массовой культуры Запада.

Борьба с этими веяниями даже пробудила в священнике тягу к писательству. Воюя одновременно с поп и рок-музыкой, Голливудом, юмористическими программами, молодежными субкультурами, фаст-фудом и женским футболом, отец Савелий, тем не менее, считал главным источником угрозы мистическую или (как он позднее узнал) так называемую фэнтезийную литературу. Толкин, Лавкрафт, Стокер, Булгаков, Гофман, По и даже почему-то Даниил Хармс, по его мнению, удостоились особой жаровни в аду. Видя повальное увлечение молодежи творчеством первого из них, отец Савелий пару лет назад написал грандиозный роман-пародию на «Властелина колец», в котором хоббит был порождением сатира и макаки, а эльфы жили долго, потому что пили кровь детей. Книга вышла ничтожным тиражом, получила разгромные отзывы критиков и была вскоре всеми забыта. Тем не менее батюшка не сдался. Он чувствовал себя Давидом, чей камень обязательно рано или поздно повергнет огромного гнусного Голиафа.

– Рассказывайте, Анатолий, что у вас на душе и что за душой? – промолвил отец Савелий, взирая из-под клобука своим спокойным, печальным и мудрым взглядом. – Я же вижу, что сердце у вас беспокоит.

– Есть на мне одна вина, – Толян мрачно потупил взор.

– И какая же?

– Человек из-за меня погиб.

– М-м... – священник растерянно погладил свою мягкую бороду.

– Он поехал... Я его предупредить хотел, что его там кокнут. На него ж маляву Директору накатали. Но... в общем я... У нас же закон такой – как в стае. Все нога в ногу бегут, след в след. Если кто споткнулся, наступай, не оглядываясь.

– Он вам был друг?

– Да нет, не друг. Просто парень нормальный. Пили вместе.

– Однако кровью вы себя не запятнали. А грех предательства – ну что ж... Ученики ведь тоже предали Христа, когда трусили и разбежались. Но убежать или промолчать – одно дело. Это не то же самое, что продать друга палачам за тридцать серебряников.

– М-да...

– За былые ваши прегрешения вы уже с божьей помощью покались. Лица ваших убиенных недругов...

– Нет, не снятся!

– Но вы же часто вспоминаете о них. Тем самым, пусть и

неосознанно, просите у их душ и у господ-бога отпущения. А господь-бог...

– Не-е! На фиг мне их отпущение! – мотнул головой Толян. – У бога – да, но не у этих.

– Люби врагов своих, благословляй клянущих тебя, благотвори ненавидящим... Да-да-да, и никак иначе! Ненависть, даже справедливая, не привнесет в мир ничего, кроме ненависти.

– Вы же сказали, господь меня любит, – хмыкнул Толян.

– Любит.

– Вот он мне все это дал, во всем помог, на путь этот выгодный наставил, предположим. А потом вдруг бац – без предупреждения: виновен в том-то и том-то, вот тебе последний шанс на спасение. Так что ли? Подляночка!

– Господь спасает, а диавол мягко стелет. Порой, когда ты один, трудно разобраться, кто из них тебя ведет. Где сила, а где слабость, где добро, а где лицемерие, где мечта, а где искушение. Сердце чувствовать должно.

– А я вот знаете, с каких пор стал чувствовать... и бояться перестал? – Толян распахнул пиджак и ткнул себя пальцем в бок. – После того, как меня балашихинские в девяносто четвертом свинцом наспиговали. Я уж думал все. Глаза из орбит вылезли, все кругом кр-расное, кр-ровь, захлебываюсь! Думал, баста, конец! Со мной наш Дима-хирург разговаривает, а мне чудится, что это то ли бог, то ли ангел его. Говорит: не бойся, все хорошо будет. А я посмотрел на него,

подумал: а и правда, чего бояться-то? И спокойно вдруг стало, тихо... До сих пор верю, что со мной кто-то из них тогда говорил... – он многозначительно поднял взор к потолку. – С тех пор я никого, слышь, никого, кто по земле ходит, не боюсь! Все они грязь!

– Гордыня... – батюшка предостерегающе поднял палец. – А-яй!

– Да я ж про всех говорю и про себя тоже! Все люди грязь и гниль. Только вот с богом у меня что-то... Чую вот, что-то не то! Разочаровать его боюсь! Боюсь, что н-не заговорит он больше со мной, как в тот раз.

Он провел рукой по бритой голове и, шумно выдохнув, замолчал.

– А что господь сейчас тебе говорит?

– Не знаю.

– А ты спроси его?

– Постоянно спрашиваю!

– Спроси еще раз! Первое, что придет в голову – это и будет ответ. Не в ухо же он тебе должен идеи кричать.

Толян поскреб лоб и измученно закрыл глаза.

В углу монотонно забили часы.

Проползла минута.

– Церковь... надо... – прошептал Толян, выходя из транса.

– Во-от, видишь! А ты переживал, что он не ответит. Церковь!

– Откуда у меня бабки на церковь? Я на этой гребаной даче разорился!

– А ты затяни пояс. Продай что-нибудь. Сдай в аренду, займи денег. Не мне тебя учить. Ты великое дело сделаешь, Анатолий. Народ тебя будет помнить в поколениях. Церковь построишь – добротой и любовью своей сотни душ спасешь и исцелишь.

Отец Савелий говорил приглушенно, неотрывно глядя в глаза Толяна, и что-то непроизвольно чертил пальцем на столе.

– Церковь – наш будущий духовный ковчег. Всех мы, конечно, туда не возьмем, да и не сможем. Но хоть кого-то, хоть наших местных глуховцев. Будет потоп. Не буквальный, конечно. Хотя кто знает... Господи! Ты же сам все видишь, Анатолий. Куда все катится! Дикость, разврат, мерзость повсюду. Как сговорились! Еды полно, одежды полно, машин полно даже в нашей нищей Скифии. Дьявол нам кидает подачки, а мы хватать, хватать, ням-ням за щеку как хомячки! Жррем! Это у нас! А там-то, на Западе – там все в разы хуже и страшнее! Извращенцы законы диктуют, в церковь лезут, детей забирают... Когда сумасшедшая англичанка пишет книгу про добреньких ведьм и колдунов, и эта книга расходуется по миру громадным, чудовищным тиражом! Это что?! У нас эту дрянь, слава богу, еще не перевели. Но переведут и издадут, будь уверен! Что это, если не конвульсии человечества перед неизбежным финалом?!

Бледное лицо отца Савелия местами налилось красным как огромная редиска. Он не замечал, что начал грызть ногти.

– Вот... Я посмел излить вам душу, Анатолий. Не обессудьте.

– Ладно, – вымолвил, слегка ошеломленный Толян. – Ни-че страшного. Я вам излил, вы мне.

– Церковь нужна как воздух. Вы все правильно поняли. Вам было божественное откровение.

– Я подумаю.

– Да, подумайте. Но не позволяйте диаволу сбить вас с пути. Отец Савелий поднялся из-за стола, осенил крестом Толяна.

– Господь благословит!

Толян закрыл глаза и почтительно склонил голову.

Драка

– Всегда жили хреново. И при царях, и при коммунистах, и шас...

– Тогда хотя бы мощь была.

– Да какая мощь...

Иван Петрович хрустнул луковицей и вытер грустные глаза.

– Урожай собирали, как при Иване Калите. Битва за урожай – это что такое? Все равно что битва за чистые носки.

Смех!

– Зато теперь вообще ни хрена не производим! Сельское хозяйство похерили. Спасибо реформаторам! Кругом один импорт, да и тот взаймы.

Василий Палыч с величайшей осторожностью нацедил в стопку водки, боясь перелить.

– Как сказал Жванецкий, поскольку отечественный производитель стоит, в магазинах уже все есть.

– Во-во... И вот что же это за мистика, скажите мне! Когда орбитальную станцию построить можем, двести подлодок соорудить можем, а штаны сами себе сшить... Господи! Это ж чистый... сюрреализм! Этот, как его? Художник... Сальвадор! Волосы себе в гробу рвет!

– Либо двести подлодок, либо колбаса на столе. Середины нет!

Давно уже сникший Борис Генрихович, начал болезненно растирать рукой затекшее лицо.

– А ты че скажешь?

– Э-а...

– После сделанных громких заявлений?

– Я уже вс-се сказал.

– Ну! А обосновать-то? А то рубанул, памаешь, историческую правду-матку и в кусты! Ни источников, ни аргументов.

– К-какие аргументы... Ну чит-тайте, читайте! Книг щас навалом!

– Да уж, повылезали черти!

Борис Генрихович опрокинул в себя пустую стопку.

– Э-экономика сталинского СССР был-ла глубоко убыточной! И целиком зат-точенной на войну! Не будь Гитлера, все р-рухнуло бы под собственной тяжестью через десять лет. Неуж-жели это т-так сложно понять?

– То есть Гитлер нам подарочек сделал?

– Б-безусловно! Повелся как дур-рак!

Василий Палыч, стоически вытерпевший первые тирады Бориса, стукнул по столу ослабшим кулаком.

– Подарочек! Те сколько лет было, когда война началась?

– Мне? Я т-тогда еще не...

– Вот то-то и видно, что не!

– Василий Палыч, что бы вы мне щ-щас...

– Ты отца своего застал?

– Что бы вы мне щас не р-рассказали про немцев, я со всем соглашусь. Да, расстреливали! Да, вешали! Все правда, все было! Вот т-только надо немножко вглубь вещей смотреть, понимаете? Мир – он... н-не двухмерный!

– В глубь он смотрит, м-мать...

– Да-да, именно так. Двадцать тыщ т-танков против немецких четырех. Это что? Это для обороны с-столько сил? Г-гитлер охр-ренел, когда ему сказали! Он еще потом перед Маннергеймом оправдывался!

– Двадцать? А почему не тридцать? – рыкнул Иван Петрович. – Не сорок, а?

– Читайте! Больше чит-тайте, господа! Учение – свет.

– Тебе рассказать, какой нам Гитлер подарок сделал? – перешел в наступление Василий Палыч. – То, что я вот этими глазами видел под Калугой в сорок первом?

В беседку зашел Коля и хмуро шепнул на ухо Василию Палычу, что мать не велела ему больше пить водки.

– Все, иди, иди! Не мешай... Контролер!

– Коль! – рявкнул Иван Петрович. – Подожди! Как ты относишься к идее, что не Гитлер на нас хотел напасть, а наоборот?

Коля искренне пожал плечами.

– Вы, с-сударь, употребили запрещ-щенный прием, – злое еще промолвил Борис Генрихович, поднимая палец.

– Ну-ка, ну-ка?

– Какое вы... ты имеешь пр-раво, использовать р-ребенка в споре?

– Что?! Коль! Тебе сколько лет?

– Тринадцать.

– Это ребенок?

Коля двинулся к дому, ускоряясь с каждым шагом. Бухтение в беседке приобрело угрожающий характер.

– Я сказал: «нефформир-ровавшаяся личность». Я не сказал: «непол-люценный», – донеслось до Колиного уха. – Вы э-элементарных слов не знаете!

Потом он услышал одно из тех слов, которыми любят щеголять в школе разные идиоты.

Через минуту Борис Генрихович, проклиная всех вокруг,

с разбитым носом вываливался из беседки и, шатаясь, плелся к калитке, яростно рассекая воздух кулаком.

– Чернь! Чернь ч-чернос-сотенная!

– Уползай, пока жив! – рычал ему вслед Иван Петрович. –

С-сука...

Дед с отсутствующим, безмятежным видом наливал себе новую стопку.

Знакомство

Толян, подперев бока руками, задумчиво разглядывал свои приобретения, стоящие на фоне огромного камина в гостиной. Превратить камин в музей случайных вещей не получалось. Большинство экспонатов были слишком крупные, иные, как, например, глиняная посуда, смотрелись убого.

Постепенно до него дошло, что никакого применения всему этому древнему барахлу в его доме быть не может. Его можно было разве что сдать в музей или спрятать на чердаке, как это сделал Моисеич.

Толян страшно не любил чувствовать себя дураком. Но сейчас он стоял перед фактом: только идиот мог как мальчишка натаскать домой со свалки вещей и совершенно не знать, что с ними делать.

Полусгнивший мушкет на стену не повесишь. Облупившийся Будда мог быть изготовлен сорок лет назад в Ташкенте.

«Козел!» – разбито прошептал Толян. – «На ко-ой? Еклм-нэ...»

Он чувствовал, что больше не сможет заявиться к Мои-сеичу и потребовать с него долг. Это будет уже настоящее срамное шакальство. А бог не фраер.

Он выматерился и пошел в ванную

Помлев в джакузи и выкурив сигарету, Толян еще раз критично осмотрел свои «сокровища». Потом без колебаний побросал глиняные плитки обратно в коробку. Деревянные фигурки и Будда тоже отправились на выброс.

«Ружье... ладно, придумаем!»

Кофейник вроде худо-бедно смотрелся на камине.

От чего не хотелось избавляться, так это от роскошной золотой ханукии. Но Толян представил, *что* начнется, когда гости увидят *это* у него дома.

«Еще этот хмырь...» – подумал Толян, переведя взгляд на полюбившегося истукана.

– Че у тя рожа такая тупая? – зло спросил он.

Болван молчал.

«Не-е, Буряту такое дарить нельзя. В морду даст!»

Он провел пальцем по глиняным губам, между которыми зияла узкая щелка для бросания монет.

– Кушать хочешь?

Он подумал, что в брюхе у истукана вполне возможно лежат древние динары. Их-то как раз было бы недурно заполучить. В молодости Толян собирался стать нумизматом.

К этой мысли прицепилась следующая.

«Интересно...» – подумал Толян. – «Пробки у этой штуковины нет. Значит, ее должны были все-таки рано или поздно разбить! Она ж семьсот лет стояла, деньги жрала!»

Думая об этом, Толян взял со стола рубль и зачем-то протиснул его в пасть чудовищу.

Он не сразу осознал, что именно пошло не так. Падение монеты показалось явно не таким, каким должно было быть.

Толян нашел бумажник, вынул пятак и тоже спустил его в щель. Лишь теперь он понял: монеты падали в глиняное брюхо совершенно беззвучно, будто летели в пропасть.

Толян стал швырять монеты одну за другой, пока не истратил их все. Ни намек на звон!

Затем, подумав, достал десятирублевку и просунул в щель. Он хотел лишь пошарить ею внутри, но рот истукана сам вдруг всосал купюру, на манер автомата в банке.

– Ни х...а! – заорал Толян.

Он бешено потряхнул головой, дрожащей рукой достал новую купюру. Болван съел и ее.

Толян бросился в спальню и вернулся с пистолетом.

– Ану, гнида!

Он наставил дуло в пузо монстру, не зная, что делать. Внутри не смог бы уместиться даже карлик, даже обезьяна. Да и как бы она там оказалась, черт подери?

«Кто ж таскает деньги?!»

Толян достал третью купюру, не обратив внимания на со-

лидный номинал, сунул в щель. Купюра исчезла.

– Ты... кто? – выдохнул Толян.

Он вдруг понял, что надо сейчас же, немедленно, вмазать рукояткой по этой харе, разнести урода на куски и вышвырнуть их за забор. Иначе он не заснет.

Проклятая морда смотрела на него как-то по-новому, точно с вызовом.

И вдруг Толяна осенило.

«Да это ж машинка для туристов, япона мать!»

Он облегченно рассмеялся.

«Такие в парке аттракционов ставят. За деньги говорят проходим судьбу. Моисеич, старый першень, фальшивку не распознал! Четырнадцатый век, Иордания – тоже мне, археолог блин!»

Толян вновь расхохотался, однако уже не так искренне и благодушно. Казавшееся миг назад логичным объяснение начинало таять, как сосулька в кулаке.

«Не-е... Не так все просто! За столько лет все сломалось бы! И почему нет ни звука?»

Он постучал дулом по глиняному животу.

– Ты... т-ты понимаешь, что я т-тебя пристрелить могу? Ты попал, слышь!

Урод молчал.

– Ты че, а? Ты кто?

Сердцем вновь овладевал панический страх.

На столе спасительной трелью зазвенел мобильник. Толя-

на словно вырвало из тягучего жуткого сновидения.

– Да, але! Нет! Только безнал!

Он торопливо вышел, радуясь, что голос не дрожит.

– Ща, подожди!

Он закрыл дверь в гостиную. Долго шарил по дому в поисках ключей. Наконец, найдя, запер дверь. Чертыхнулся – вспомнил, что оставил там пистолет. Забрал его и снова запер комнату.

«Все!»

После разговора Толян выпил на кухне виски, покурил и несколько успокоился. Спал на втором этаже. С оружием.

Ночь

Алина посреди ночи встала с постели. Щелкнув зажигалкой, взглянула на часы. Полвторого. Быстро натянула майку и шорты. Нашарила спрятанные под кроватью сандалии.

На всякий случай, хоть и ни на секунду не верила, что кто-то может зайти, сунула под одеяло скомканный халат и баскетбольный мяч.

Ступая по-кошачьи, подошла к открытому окну, перекинула ногу и с привычной ловкостью махнула из спальни в темные заросли рябины и облепихи. Июльская ночь окатила тело доброй прохладой. Повсюду звенели кузнечики.

Перелезть через высокий забор было трудно, да и незачем. Алина поспешила в другой конец участка, отделенный

от соседей низенькой соседской оградкой. Через такую даже болонка перепрыгнет.

Мокрая трава щекотала стопы. Не прошло и минуты, как она уже стояла посреди сумрачной пустынной улицы, под чернильно-синей чашей неба. Звезд почти не было. Полная луна точно в сизую шаль, куталась в тонкие облака, подмигивая из-за них.

Счастливо вдохнув напоенный свежестью и ароматами ночи воздух, чувствуя барабанный бой в груди, Алина побежала в сторону главной улицы на своих быстрых, сильных ногах.

Многие по ошибке принимали ее за спортсменку. Алина никогда всерьез не занималась спортом, ела что хотела, покуривала. Атлетичная фигура досталась ей даром от щедрого небесного скульптора.

Алине нравилось бегать в ночи. Ночь была просторнее, необъятнее и глубже, чем день, фальшивый и угловатый. Темнота страшила только в стенах и коридорах.

«В этих мертвых пещерах, придуманных людьми!»

Она добежала до магазинчика и стала ждать, то и дело отгоняя комаров.

Через пять, шесть или семь минут вдали зажегся огонек и послышался знакомый рокот мопеда.

Олег несся к своей подруге, задорно сигналив в ритме какой-то дурацкой мелодии, трясясь и подскакивая на колдобинах.

– С полнолунием, ведьма!

– Привет! – Алина потрепала его короткую стрижку и села сзади.

– Куда прикажете?

– К речке!

Самодельный мопед рывкнул что было сил, точно изображая из себя грозный мотоцикл.

Они погнали сквозь шепчущий в уши ветер, сквозь прозрачный свет луны, серебрящий мгlistую бесконечность дороги.

Она держалась за его крутые плечи, откидывалась назад, чувствуя, как волосы подобно знамени весело развеваются на ветру.

Как в ускоренном кино промелькнули мимо сторожка, шлагбаум и заброшенный ангар. Дорога понесла вниз под гору в совершенно черную крошечную тьму, в которую Алина иногда падала во сне. Ей хотелось поверить, что они никуда не едут, что просто висят над какой-то вечной, неизбывной бездной. Над черной дырой, у которой нет ни пределов, ни конца.

Мопед остановился, круто завернув на луг. Алина уселась в высокую, стрекочущую траву и потянула к себе Олега. Они поцеловались.

Луна снова вышла из-за облаков, и в ее сиянии голубоватые лица друг друга показались им непривычными и до странности красивыми.

Далеко в руинах церкви плясали огненные блики, и хрипло надрывалась гитара.

– ...Убитых пе-есен. Да мне нечего терять. Мир так те-есен. Дай-ка, брат, тебя обнять, – тихо начала подпевать Алина.

Он обнял ее и прижал к себе, касаясь небритой щекой.

– Хочешь, пойдем к ним?

– Не-е! Надоели. Каждую ночь одно и то же.

– Просто заглянем.

– Не хочу. Давай посидим здесь. А потом на реку... Или на кладбище!

– Ох ты! Какая храбрая!

– С тобой да. Есть курить?

Он вынул коробку сигарет, и во тьме ожили два оранжевых светлячка.

– Скучал по мне?

– Еще бы! Целых пять ночей не виделись.

– Трудно от предков сбежать, – соврала Алина. – Чуют, что-то не так, заставляют спать на втором этаже. А там, как начнешь спускаться по лестнице – треск по всему дому. Демаскирует.

– Съезжала бы ты от них.

– Хе-хе, легко сказать! Ты сам до сих пор с отцом живешь.

– Батя больной и пьет, загнется без меня. А ты-то свободная.

– Ну свободная и что? За квартиру, за еду, за универ –

все деньги, деньги, деньги! А я убиваться ночью в аптеке не хочу.

Она резко затянулась и выпустила кучерявую струю дыма в темное небо.

– Лучше сам переезжай, как сможешь. Я буду ждать.

– Да уж... как сможешь... Если только мамка к нему вернется.

– Не грусти. Может, тебе спеть чего-нибудь из моего?

– У тебя ж гитары нет.

– И че?

Алина обхватила руками воображаемую гитару и ударила по невидимым струнам. Ее переливающийся грудной голос воспарил над спящим лугом:

Эта реальность решила меня убить.

Я это знаю, я чувствую это кожей.

Кто-то решил меня, видимо, в землю вдавить.

Кто-то решил надо мной поглумиться, похоже.

Кто он, не знаю, но знаю я только одно:

В жизни подобной фальшивой игры не увидишь.

Все это словно в дешевом, чернушном кино

Или в романе, который, закрыв, ненавидишь.

Слишком бесчестно,

Пошло и дурно,

Слишком гротескно,

Карикатурно.

Все что любил я, все, во что верил, чем жил

Было насмешливо превращено в мертвечину.

Сколько потребует жизнь предстоящая сил?

Сколько еще мне терпеть, да и есть ли причина?

Мир изменился, будто на голову встал,

Черное белым, а белое черным предстало.

Мне двадцать лет, а мне кажется, я уже стар.

Сила жестокая душу вытягивать стала.

Я лишь начало

Жизни увидел,

Слишком уж мало

Сделал, увы, дел.

Если мне все же не повезло,

Буду я жить Властелину назло.

– Ни фиги себе! Ну ты... Цветаева! А почему вся песня в мужском роде?

– Я писала ее во время депрессии, не спрашивай. Наверно мое мужское «я» как-то жестче выражает переживания.

– У меня была девчонка в школе. Тоже писала стихи от лица мужчины. Причем не просто мужчины, а выдуманного

поэта, который якобы жил двести лет назад и даже стрелялся с Пушкиным. Странные вы, барышни...

– Это вы, юноши, слишком простые.

– Спой еще что-нибудь.

– погоди, надо отдохнуть. Я че-то полностью выгорела.

В это время в темноте слышались медленные шелестящие шаги. Кто-то неспешно приближался к ним по лугу.

– Ну-ка... – Олег стал подниматься, на всякий случай вынимая из джинсов карманный нож.

Темная, сутулая фигура с палкой-посохом в руке остановилась и многозначительно покивала головой.

Это был дядя Петя. Сухой, заросший, полубезумный житель одной из дач, ушедший в себя, после того как его сына сбил поезд. Он почти круглый год жил на даче один, без электричества и газа. Никогда ни с кем не общался. Из всех дел жизни, продолжавших связывать его с реальностью, у дяди Пети оставался только огород.

Иногда в сумерках поздние водители видели его в сером дождевике, бродившим по полям за несколько километров от дома. Он был вполне безобиден. Хотя наверняка этого, конечно, никто не знал. Его ночные странствия давали мнительным бабам почву для самых гадких слухов и подозрений.

– Что сидите-то? – спросил он угрюмым голосом.

Олег пожал плечами.

– Все спят, а вы тут поете! Идите домой!

– Мы сидим в поле и никому не мешаем, – улыбнулась

Алина.

– Знаете, кто тут ходит?

– Волки? – ухмыльнулся Олег.

– Волки... Если б только волки! Чертовщина бродит, бродит, бродит... дымом черным стелется... Вон! – старик вытянул руку с кривым, заскорузлым пальцем в направлении реки. – Во-он оттуда... п-поползет!

– Кто поползет?

Дядя Петя хотел что-то ответить, но лишь захлопал челюстью и раздраженно затрясся от непонятливости молодых.

– Кто, кто! Идите, идите! Домой... Нечего тут!

Он повернулся и остервенело заколдыбал прочь, размахивая палкой.

– Может, он крокодила-людоеда имел в виду? Как в американском фильме? – пошутил Олег, когда шаги стихли.

– Жалко его, – прошептала Алина.

Им обоим стало не по себе. Свидание было основательно подпорчено.

– Пошли на реку! – весело предложила вдруг Алина, сбросив оцепенение. – Купаться.

– Голышом?

– Нет, блин, в аквалангах!

И они пошли.

Она ощущала единство каждым миллиметром кожи. Ее талия скользила в его объятиях. Вода разбегалась и накачивала волнами, которые почему-то казались жаркими. Она

видела то его глаза, то необычайно яркий, вертящийся лунный диск над головой. Остальное перестало существовать.

Он покрывал ее поцелуями, стремясь осмыслить прикосновениями каждый изгиб великолепного тела возлюбленной.

Алина, забыв себя, беззастенчиво хохотала в ночи.

Сотрудничество

– Вот, щас смотри! – возбужденно говорил Толян, подводя горничную Катюху к истукану.

– Господи, ну что вы...

– Смотри внимательно! Видишь десятку?

– Вижу и что?

Толян сунул купюру в щель, но никакой реакции не последовало.

– Н-ну... – простонал Толян, не веря своим глазам. – Давай, жри! Жри, гад!

– И чего?

– Да он у меня бабки вчера таскал!

– Как? Он же неживой.

– Жрал! Пастью всасывал! Блин! Щас...

Он потер бумажку о штаны, уже без надежды принялся впихивать десятирублевку в рот болвану. Тот не только не ел, но и вообще не пропускал деньги, словно был забит под завязку.

Толян яростно выматерился.

– М-может, вам показалось?

– Давай, ты попробуй!

– Мама родная...

– Давай, давай!

Катюха робко пошарила купюрой во рту чудища и, вернув ее Толяну, посетовала на полное непонимание. В ее глазах читалась испуганная констатация: «Псих!».

Когда она удалилась, Толян вновь исступленно ткнул деньги в щель, и болван тут же охотно их заглотил.

– Тв-варь... – прорычал Толян. – Хитрый, да? Ниче, ниче, падла!

Он вышел из гостиной и вскоре вернулся с японской видеокамерой. Включил запись.

Истукан не ел.

– Ах ты... – Толян бросил камеру на кресло и, содрогаясь от бешенства, принялся мерить зал шагами.

«Я че, умом поехал, да? Если вижу всякую хрень? Не-ет... Я же не пью, как лошадь. Не нюхаю! Только по большим дням... Отчего ж это, а? Кто же мне мозги-то сломал?»

Он пощупал себе голову в том месте, где ему раскроили череп много лет назад.

«Точняк! Рецидив! Глюки начались!»

Толян изможденно вздохнул и тяжело опустился на диван. Закрыв лицо руками.

Ему пришла в голову нелепая, но не лишенная логики

мысль: попробовать разбить болвана.

«Если он живой, волшебный, то наверняка сделает что-то, чтобы спастись. А если нет, туда ему и дорога!»

Толян вынул из каминной стойки кочергу и, примерившись, начал замахиваться. Разрушать не разгаданную тайну было жалко. Продолжать с нею жить – невыносимо.

«А если внутри не окажется денег?» – подумал он вдруг. – «Тогда я точно рехнулся!»

И тут Толян вспомнил, что до сих пор не сделал самого главного: ни разу не потребовал от копилки вернуть принадлежащие ему деньги.

«А ведь это моя копилка! И деньги мои. Кто ей позволил без просу бабло сосать?»

Он вернул кочергу на место, присел на корточки перед истуканом. Посомневавшись, открыл было рот, и тут же из глиняной пасти в лицо ему с шелестом полетели купюры. Затем в лоб выстрелила очередь проглоченных монет.

Толян упал на задницу. Дико захлопал глазами. Сперва он хотел крикнуть Катюху, но понял, что ничего не сможет ей доказать.

Он поднялся и поглядел на болвана, как обычно смотрел на низкорослую, но хитрую и опасную сволочь.

Закрыв дверь, чтоб Катюха не слышала разговор.

– Значит, ты и правда джинн? – промолвил он, стыдливо поражаясь самому себе. – Говорить не умеешь, да? Но желания исполняешь. За деньги. Ладно! Какие расценки?

Он снова скормил уроду купюры и мелочь. Добавил еще.
– Я хочу, чтобы...

«А чего я хочу? Просить надо то, о чем действительно мечтаешь».

Как на зло все мечты и желания в едином порыве покинули голову.

– Пусть у меня на столе появится н-ну... чемодан зеленых!

Ничего не произошло.

То ли магия была слишком сложной, то ли плата недостаточно солидной.

«Не-е, таких желаний он не исполнит», – подумал Толян. – «Это те не Старик Хоттабыч! Че ж придумать, епт?»

Он решил ненадолго отвлечься, взял пульт и включил телевизор.

– Джесси, ты должна решить, чего ты хочешь, – говорил белозубый голубоглазый парень понурившей голову красотке. – Нельзя просить бога обо всем и сразу, понимаешь! Может, сперва попросишь его помочь тебе разобраться собственных чувствах?

«Точняк!»

Толян погасил телевизор.

– Хочу, чтобы ты мне помог...

Не успев договорить, он мигом осознал, чего хочет.

«Хочу, чтобы с Катюхой все получилось и как можно быстрее!»

Катюха, наверное, уже собирала вещи, решив, что попала в дом к буйному шизофренику.

Отчетливо понимая, что именно ему необходимо сделать, Толян бросился ее искать.

К двум часам желание исполнилось.

Черный дым

Пятнисто-серая пушистая кошка Ушаня (ей дали это имя за длинные, как у рыси уши с мягкими кисточками) покинула свой дом и, повинувшись внутреннему зову, отправилась на разведку.

Лежащий за пределами малого мира, то есть дома, мир большой, выглядел и ощущался не так, как обычно. Однако причину этой ползучей перемены еще предстояло узнать.

Мудрая Ушаня прошлась по дощатому забору и, спрыгнув вниз, встретилась лицом к лицу с черным соседским петухом. Вздорный петух, заклохотал, возмущенно тряс красной бородкой, и стал приближаться к кошке.

Ушаня выгнула спину колесом, подняла опухавшим хвост и слегка стукнула пернатого лапой по голове. Возмущенный пуце прежнего хозяин двора захлопал крыльями, но тут же благоразумно решил ретироваться.

Кошка продолжила путь напропалую по чужим участкам.

Поиздевалась над большим старым лохматым псом, прикованным к будке. Псина заливалась бешеным лаем, рва-

лась с цепи и в итоге лишь потеряла дыхание, зайдясь над-
рывным собачьим кашлем.

Потом повстречала людей. Ее манили пальцем, говорили:
«Кс-кс!», воображая, будто этот глупый, никогда не действу-
ющий зов, заставит ее подойти ближе.

Ушаня неплохо понимала человеческую речь. В прошлых
жизнях ей довелось побывать и полубожественным созда-
нием в Древнем Египте, и слугой дьявола в средневековой
Франции, и главным любимцем эксцентричной английской
баронессы, объехавшим вместе с хозяйкой полмира.

Она могла бы общаться с людьми на многих языках, если
б умела разговаривать. Впрочем, стоило Ушане выразитель-
но заглянуть человеку в глаза и трогательно мяукнуть, и че-
ловек обычно понимал, что от него требуется. Этого было
достаточно.

Правда извечный человеческий недуг, который сами лю-
ди гордо называют абстрактным мышлением, делал людей
замороженными, глупыми и катастрофически оторванными
от мира существами. Никакие коробки, в которых люди жи-
ли, в которых передвигались и сквозь которые смотрели на
других людей, не могли компенсировать эту беду.

Потом Ушаня полежала в тени смородинового куста, умы-
ла языком лапы и грудь, с грустью вспомнила котят, кото-
рых хозяйка зачем-то решила раздать своим знакомым, и,
неудачно попробовав сцапать семенившую мимо трясогузку,
продолжила путешествие.

Ее тянуло в поля, хотя раньше она туда никогда не заходила. Ушаня чувствовала, что что-то не так. С самого утра она ни разу не видела *других*. Другие, как назвала бы их Ушаня, умей она говорить – это бесплотные существа, населяющие мир с незапамятных времен. Люди давным-давно разучились их видеть и чувствовать, а теперь и вовсе перестали в них даже верить. Домовые, овиnnики, банники, полевики, злыдни, кикиморы, лешие, болотники, водяные, русалки – большие и малые, добрые и злые, забавные и страшные. Теперь их как ветром сдуло.

Уйдя в безбрежный океан колышущейся травы и цветов, Ушаня очень долго следовала по какому-то не вполне понятному ей самой маршруту. Ей казалось, она чувствует необычный смутный запах, какого прежде не знала.

В зените среди густой синевы и белых клочков палило золотистым огнем солнце. Порхали бабочки, деловито гудели шмель. Черной зловещей точкой, простирая крылья, висел в небе коршун. Его бы стоило опасаться, но Ушаня знала, что хищник едва ли посмеет напасть на хранительницу загробного мира.

До сих пор ей не встретилось ни одного *другого*. Если предположить, что все они, включая даже недобрых, сорвались с места и разом ушли, местных жителей в будущем не ждало ничего хорошего.

И вдруг Ушаня увидела дурную метку: лежащую на земле черную тушку мертвого крота. По запаху было ясно, что это

вовсе не крот, а маленький луговик, который перевоплотился в крота перед тем, как его убили. *Другие* своей смертью не умирали никогда.

Ушаня внимательно изучила мертвое тельце и осторожной поступью двинулась дальше. В текущей жизни она еще ни разу не сталкивалась ни с чем подобным.

Она спросила у коршуна, что это может значить. Коршун с высоты дал ей пространный ответ, следуя которому кошка стремглав бросилась туда, где таилась пугающая истина.

Чуждый запах, который она уловила в первые минуты странствия, усиливался с каждым скачком.

Достигнув крутого спуска, сбегающего к реке, Ушаня разглядела курящийся вокруг большого человеческого жилища, окутывающий его подобно туче черной копоти, расползающийся грязными щупальцами по земле ирреальный колдовской дым.

Это было самое худшее, что могло произойти.

Ушаня выгнула спину, вонзила когти в землю и что было злости зашипела на дым, требуя, чтобы тот убирался туда, откуда пришел. В далекое царство-могильник, в мир раскаленного песка и мертвых камней, по которым карабкаются черные скорпионы и ползают, шелестя сухой кожей, ядовитые змеи.

В ответ черный дым на мгновение превратился в огромную, страшную собачью пасть с черным языком и сверкающими клыками. Оглушительно и насмешливо залаял.

«Что ты можешь против меня!»

Ушаня поняла, что враг совершенно прав. Она не могла ничего.

Разборка

Черное, зернистое как наждачная бумага шоссе бежало из непроглядной мглы навстречу горящим фарам несущегося в ночи внедорожника.

Все напряженно молчали. Лишь из заглушенной автомагнитолы едва слышно доносился никому не интересный Дэвид Бирн.

Говорить было не о чем. Все детали предстоящей встречи, любой мыслимый вариант развития событий, любая возможная лазейка и прокол были сто раз обговорены, расписаны и распланированы на бумаге по секундам.

Толян думал об истукане, которому в эту ночь полностью доверил свою жизнь. Карим с механической быстротой перебирал четки. Сашок, как всегда, одними губами молился о грешной душе своей.

У всех при себе были стволы. Карим для верности прихватил даже дробовик.

За ними следом ехал еще один джип, в котором также сидели четверо самых опытных, вооруженных до зубов братков.

Сидевший за рулем Каленый взглянул на стрелки часов

и приложил к уху сотовый. Толян затаил дыхание, слушая тихие равномерные гудки.

Наконец-то ответ.

– Завалили? – по губам Каленого пробежала кривая улыбка. – Тихо, да? Крас-савы!

По машине пронесся возбужденный гул.

– Есть!

– Он там че, один был?

– Один, один... – ухмыльнулся Каленый.

Кортеж свернул на проселочную дорогу и, мотаясь по вековым колдобинам, пополз в какую-то богом забытую глушь.

Кругом простирался заросший бурьяном пустырь. Лишь в сотне метров серой полосой проступал бетонный забор, за которым торчали темные остовы заброшенных заводских построек.

В сердце этой пустоши на голой плечи, которой заканчивалась дорога, возле ржавых железнодорожных путей стояли две черные иномарки с тлеющими фарами, а рядом прохаживались и разминались с сигаретными огоньками у лиц мутные фигуры. Кажется, их было десять.

– На два больше, чем нас, – проворчал Каленый, ставя джип на нейтралку.

Братки начали выходить из машин.

Две шеренги по традиции медленно и вальяжно приблизились друг к другу.

Выступивший из середины навстречу Толяну долговязый

тип с рассеченной губой и цепью поверх синей рубахи заговорил первым.

– Чего звал? Не спится?

– У Директора к тебе разговор есть, – вяло промолвил Толян. – Свидеться хочет. На ковер приглашает.

– А че мне его ковры портить? – высокомерно улыбнулся Север. – Давай тут все обсудим. У вас ко мне предьява?

– Предьява. От чужого откусываешь. Не по понятиям жить стал!

– Хм!

– Рейс Москва-Караганда. Спецгруз: сорок три контейнера. Что с десятиью?

– Местным отступной заплатить пришлось. После этого дела... Директор в курсе должен быть.

– Он в курсе. Только вот новость дошла: ты на махамбетовцев как работал, так и продолжаешь работать. На двух стульях усидеть хочешь? Где товар?

– Это кто ж тебе такое сказал? – оскалился Север.

– Гарик твой. Которого ты в Каме утопить хотел.

– Хех! Ты это... хорош гнать! Кого ты слушаешь-то вообще?

– А ты че такой дерзкий?

Толян как бы невзначай резко взмахнул рукой.

Со стороны завода щелкнул снайперский выстрел. Стоявший с краю молодой по прозвищу Серый охнул и начал оседать, хватаясь за живот.

Север и его кодла разом, словно по команде, выхватили пистолеты, готовые изрешетить Толяна и всех, кто с ним приехал. Они явно ждали этого выстрела. Через долю секунды их пальцы уже вдавили бы курки, но именно этой доли секунды хватило Толяну и его друзьям, чтобы взять недругов на мушку. Исход сражения был предрешен до его начала.

– Стволы в землю, гниды! – взревел Толян.

Наступило оцепенение.

Север, как затравленный волк бегал глазами по вражеской шеренге, останавливая взгляд то на дробовике в руках Карима, то на коротком спецназовском «Вихре» в руках незнакомого здоровяка.

Перевес был не в пользу напавших. К тому же ярко зажатые фары джипов били прямо в глаза, мешая сосредоточиться.

– Вы че, фраерки, еще не въехали? – Север усилием воли заставил себя презрительно усмехнуться. – У нас там снайпер сидит! Через пару секунд вы все деревянные бушлаты наденете!

Он злорадно поглядел на корчившегося в агонии Серого, который почему-то уже не корчился и не истекал кровью, а преспокойно сидел на земле, подняв руку с пистолетом.

– Твой снайперок в котельной с открученной башкой лежит, – сухо объявил Каленый.

У Севера екнул кадык, глаза испуганно заморгали, как у перетрусившего подростка.

– Стволы в землю! Или кишок не соберете! – прорычал Толян.

Одно за другим черные дула медленно поползли вниз, боясь все же опуститься до конца.

– Амба! – довольно осклабился Толян, выхватывая зубами сигарету из пачки. – А теперь колись, сука! Откуда борзоты набрался? Кому надо? Чья затея?

– Махамбетова, – выдохнул Север.

– Да неужто! Старик умом двинулся, да?

– Н-не знаю. Он мне сказал...

– По чесноку ответишь – не убью.

– А, сука... м-мать... Булат!

– Хм! Булат?

– Хотел Директора с казаками стравить! Ты ж его любимчик. Я б тебя грохнул, а все стрелки на Тимурыча. Аванс отвалил щедрый. Нам-то один хрен, что вы, что степняки – от кого пулю в спину получать!

– Со снайпером сам придумал?

– Да.

– Дурак! Пулемет бы лучше взял.

Толян сплюнул Северу под ноги.

– Бог видит, Толян, не хотел я твоей смерти! Сам ты до этого дерьма довел!

– Короче, чтоб через два дня деньги за груз были у Директора. А нет – будем с тобой разговаривать по-другому. Понял?

– М-м...

– Исчезни!

Север с опустошенным видом начал поворачиваться к машинам.

– Погодь! – улыбнулся Толян. – Щас фейерверк будет.

Каленый достал мобильник и что-то мягко сказал по нему загадочным полусшепотом.

Со стороны завода щелкнуло. Взорвалась шина одной из иномарок. Щелк! Вторая. Щелк! Треснули стекла.

Когда обе машины пришли в жалкий вид, Толян бросил Северу в лицо рублевую монету.

– На автобус!

Север, стиснув зубы, зашелся бессильной витиеватой матерщиной.

– А все-таки, шеф, как ты узнал про западню? – спрашивал Сашок, когда они мчались в кабак праздновать победу.

– Я те сто раз уже рассказывал!

– Оно-то понятно! А главный источник?

– Это только я и Директор знаем, понял?

– По-онял...

Толян подумал, что надо будет попросить болвана состряпать какую-нибудь безукоризненно убедительную ложь.

«Как бы Директор не заподозрил чего...»

Он закрыл глаза под тихий бархатный баритон Круга. Впервые за долгое время у него было право не думать ни о чем.

Последний росс

– Не-ет, не согласен я с вами. Ра-ди-каль-но! – говорил Борис Генрихович, опять неумело забрасывая удочку. – Россия, которую вы рисуете... Слушайте, ну вы же знаете, что тот же Пушкин для публикации писал одно, а в переписках своих личных совсем другое. Вы вспомните его строки: «И нежно чуждые народы возлюбил! И мудро свой возненавидел!» Мудро! И это писалось, когда, как нам сейчас кажется, Россия пребывала на пике своего процветания и могущества. Ненавидеть ее было мудро! С чего бы?

– Для меня русофобия Александра Сергеевича не секрет, – брезгливо промолвил Аркадий Романович, скорбно глядя на искрящуюся рябь. – Пушкин и не такое писал. Особенно, когда страдал желудком в ссылке.

– Вот, вот! Любой, кто тогда жил и мыслил, видел, на каких ничтожных ниточках держится все это хваленое благополучие.

– И что же для вас Россия, уважаемый Борис Генрихович? – Аркадий Романович с высокомерной заинтересованностью поднял свои ястребиные брови.

– Все просто. Мы гибрид Европы и Африки. Народ, ставший жертвой тяжелейшего климата и огромной территории, в которую вцепился и с которой не знает, что делать.

– Да-с... И правда, как все просто!

Борис Генрихович снизу вверх глядел на статного, широкоплечего человека лет сорока с холодными глазами и светло-русыми усами на бледном истинно офицерском породистом лице.

«Куда меня несет?» – подумал Борис Генрихович, чувствуя, что все равно уже не остановится.

– Стало быть, по-вашему, Россия – это нечто уродливое, косное, беспутное и несамодостаточное.

– Ну знаете... Коли рожа крива, надо иметь смелость взглянуть в зеркало!

– Хм! Вы, я гляжу, большой любитель переиначивать чужие цитаты?

Он достал из серебряного гравированного портсигара сигарету и начал задумчиво перекачивать в пальцах, не спеша зажигать.

– А как вам путевые записки Фонвизина о Европе? Там ведь тоже все не так было гладко, как вам нравится думать.

– О-ой, ну ради бога! Перечитайте еще раз, вы поймете, что это совершенно несерьезные, полупародийные в сущности ворчалки. Знаете, это все равно, как наши сейчас ездят в Америку и поражаются: у них-де, оказывается, тоже бомжи на улицах есть, и мусор кое-где, и грязь, и дома стоят не отремонтированные...

– У вас клюет!

– А... все уже... Надо бы потише говорить.

– Надо.

– Вы знаете, – Борис Генрихович утер капающий с бровей пот. – Дело ж не в этом. Кошмар нашей жизни не в том, что где-то грязно и штаны не на что купить – везде так. Но вот представьте: Российская империя (которую мы пролузгали, пропили, проплевали), начало двадцатого века. Не восемнадцатого, не семнадцатого – двадцатого. Две деревни, по ту и по эту сторону реки. В одной люди едят, в другой мрут с голоду. Об этом все знают, в том числе местная администрация. И никто не подумает о том, чтобы доставить голодающим на ту сторону продовольствие. А зачем? Вот это вот... Для сравнения! В современной Африке – я вам приведу интересный факт (сам, когда услышал, не поверил!) В какой-нибудь условной Анголе стоят рядом два селения. Оба совершенно дикие. Но в одном жители освоили колесо, а в другом нет. И вот те, что освоили колесо возят свои тачки мимо тех, кто не знает, что это такое. И им не приходит в голову обучить своих... как-никак сограждан самому элементарному механизму. А у тех нет ни малейшего интереса. То есть это особая африканская модель взаимоотношений, когда всем на всех наплевать.

– И нам она присуща.

– Да! Именно!

– Ваши измышления надо было бы зачитывать кайзеровским солдатам перед атакой для поднятия боевого духа. Про русских, не освоивших колесо...

– Так! Вы-ы искажаете мои слова!

– Простите. После контузии, полученной в Афгане, из-за которой я не попал в Чечню, я мог не расслышать некоторые нюансы.

Он косо смотрел на Бориса Генрихович, как на огромную говорящую вошь.

«Началось!» – подумал Борис, шмыгнув недавно разбитым носом. – «Теперь либо врежет, либо вызовет на дуэль!»

Но Аркадий Романович ничего не сказал и вновь устремил взор в сверкающую мозаику бегущих волн.

– А вас не интересовало, почему люди на фотографиях, сделанных сто лет, назад выглядят большими людьми, чем живущие в наше время?

– Это кто же?

– Ну... скажем, дворяне, офицеры.

– О-о! Ну а почему не всякие Сидоры-Пахомы?

– Потому что я не про Сидоров говорю!

– Ну тут, по-моему, все очевидно. Поколения людей, выращенных в тепличных условиях...

– Не-ет! Этот... – Аркадий Романович кивнул в направлении, где в нескольких километрах стоял особняк бандита. – Тоже своих детей в тепличных условиях вырастит. И в Париже они у него будут на «Феррари» гонять, и на Гавайях ляжки греть, и в Лондоне образование получают. У них, по-вашему, когда-нибудь будут такие лица?

– Нет.

– Это не вопрос благосостояния, Борис Генрихович. И не

вопрос чистоты крови.

– Энтшульдигунг, а что конкретно вы имеете в виду? Красивых лиц сейчас тоже не так мало.

– Что конкретно? Глаза! Вы видели эти глаза?

– Э-э...

– Это глаза людей, подсознательно готовых к смерти. Таких глаз сейчас нет ни у кого.

– Я бы не сказал.

– Как вы думаете, – продолжал Аркадий Романович, сумрачно понижая голос. – Почему в самые тяжелые годы Второй Отечественной наши офицеры вставали и первыми шли в атаку на вражеские пулеметы? Не отсиживались в уютных землянках, как тридцать лет спустя. Не тыкали солдатам в спину пистолетиком. Среди них было немало тех, кто, как вы выразились, всю жизнь рос в тепличных условиях.

– У вас очень романтизированные представления...

– В Афгане, – Аркадий Романович не слушал его. – Не было и пятой доли того ада, который творился под Танненбергом, в Галиции или в Карпатах. Но я видел, как крепкие с виду парни, любящие помахать кулаками, за пару месяцев превращались в конченных тряпок, в размазней, готовых уползти от войны в песок. А потом, вернувшись, спивались, сходили с ума или резали себе вены. Как же так? Кстати, у вас клюет.

– О! Сорвалось... Да, ну так и что?

– Да-а, эти люди были готовы умереть за страну и за веру! Они постоянно носили за плечами свою смерть!

Борис Генрихович хотел рассказать пару пикантных историй из жизни князя Юсупова, но понял, что рискует: в глазах собеседника разгоралось нешуточное пламя.

– Конечно, никакого Гитлера бы не было, если б не Ленин! Но, уверяю вас, Борис Генрихович, если б империя стояла вместо СССР, хотя бы в том виде, в каком она была при Александре Третьем, мы к сорок второму уже вошли бы в Берлин!

– На арендованных французских танках? – Борис-таки против воли съерничал.

– Да хоть и на них! С теми людьми... с теми олимпийцами, которых бросили на смерть, как соломѹ в огонь, можно было своротить горы!

– Можно было, да. Но...

– И знаете что? – тихо продолжил Аркадий Романович, начав остервенело наматывать леску и глядя совсем уж жутко сквозь сощуренные веки. – Мне все чаще кажется, что только эти люди и имели полное право называться русскими. А вся остальная... сволочь...

– Что, простите?

– Сволочь, вы не ослышались! Которую совершенно справедливо проклинал до седьмого колена Бунин в «Окаянных днях». Все эти безродные кривоногие, рябые дворняги...

Бориса Генриховича передернуло. На миг ему почудилось, что рядом с удочкой в лапах стоит голодный и злой красавец-тираннозавр, для которого все млекопитающие –

безродная сволочь.

– Вы что же хотите сказать...

– То самое. Извините.

– Так вот оно что... – Борис почувствовал, как у него от гнева начинают подрагивать пальцы. – Вот она, ваша Россия, по которой вы так тоскуете! Плантация! Южная Африка времен апартеида. Белые, значит, на виллах, в пентхаусах, а всякая чернь в-роде нас...

– Да. Это идеальный порядок, какой здесь только возможен.

– Да вы, батенька...

– Я рософил. Всего доброго.

Он бросил на Бориса уничтожающий взгляд и, взяв пустое ведро, направился к своему «Запорожцу».

«Мальчик!» – шипел про себя Борис Генрихович, сжимая кулаки. – «Корнетик драный! А ведь все с мамочкой живет, грядки ей копает! Да ему ж только волю дай... Он же всех тут сожрет! Рософил...»

Борис закрыл глаза и медленно сосчитал до двадцати. Ему снова захотелось в мирное брежневское безвременье.

Деньги!

Лениво плескаясь в лавовой купели, джинн Ифрит, верный слуга аш-Шайтана, опытный соблазнитель, растлитель и губитель смертных, сквозь пелену дремоты разглядывал

из четвертого измерения сильно изменившийся за время его пятисотлетнего сна человеческий мир.

Подобием перископа служили глаза глиняной статуи, которую он избрал в качестве своего временного вместилища.

Все шло неплохо. Люди почти не менялись. Даже в этом незнакомом краю, в эту странную эпоху со всеми ее фокусами и новинками, пороки продолжали существовать в незамутненном виде. Пожалуй, они даже кристаллизовались, благодаря угасанию в людях веры.

Он не без удовольствия вспоминал, во что превратил цветущее некогда царство Сулеймана ибн Дауда с его дворцами, райскими садами и восторженными подданными. Не помогли царю его ручные джинны, властью над которыми он так гордился. Надо было лишь до самого конца корчить из себя тихого, преданного слугу и заверять царя, что он будет жить вечно.

С мордастым дураком все обещало сложиться гораздо проще, быстрее и веселее. Правда дурак был всего лишь богачом, а не властителем этой земли. Однако и времена настали другие.

Как-то по ящику, сквозь который дурак смотрел состязания и узнавал новости, один молодой, до смешного наивный воин спросил: «В чем сила? Разве в деньгах?» Ифрит бы прослезился от умиления, если б был способен плакать. Да, мой глупец! Деньги! Деньги! И еще тысячу и один раз деньги!

Первый сон

Жаркое тайское солнце озорно и нагло пекло сквозь закрытые веки. Толян кое-как разлепил правый глаз и вспомнил, что все еще лежит в шезлонге на белом пляже острова Самуй. Что перед ним искрится, переходя из зеленоватой прибрежной лазури в густо-синюю бесконечность океан. Что вечно голубом безоблачном небе медленно кружат, подгоняемые ветром белые точки каких-то птах. Что за спиной качают крылатыми листьями пальмы, и ждет уютное бунгало с кондиционером и ледяным пивом.

Толян пошевелился. На миг заподозрил, что обгорел.

«Вроде нет...»

Хотелось пить. Лежать было жарко и скучно. Идти купаться по раскаленному песку – противно и лень. Возвращаться в дом – просто лень. Оставалось лежать.

Следующие десять минут Толян провел, наблюдая за маленьким белым парусником в океанской синеве. От нечего делать он представил, как огромная доисторическая акула выныривает из глубин, одним махом откусывает половину суденышка. Человечек вместе со своей девахой падает в воду, что-то там кричит, зовет на помощь. У него еще есть время доплыть до берега, гигантская тварь не сразу обратит внимание на двух ничтожных малявок. Но он не хочет плыть, он машет руками, захлебывается, хватается за бабу и орет, орет, орет, как любой европейский козел...

До уха донеслось треньканье мобильного. Раскосая длинноногая кукла-барби по имени Ваан бежала к нему с сотовым в руке с выражением глубочайшей тревоги на своем фарфоровом личике.

– Оу, миста! Ё мобайл, плиз!

– Сэнькю! – буркнул Толян, беря мобильник и любуясь ее приплясывающими на жгучем песке крохотными лапками. – И принеси мне эту... ну... ботл бир!

Он приложил мобильник к уху. Звонили от Директора. Дремота и лень слетели в один миг.

Толян почти ничего не отвечал, только вяло повторял: «да» и «ага», мрачняя с каждой секундой

Он не заметил принесенного пива. Потом встал и, выдохнув: «Хорошо, разрулю!» быстро направился к дому.

Войдя, Толян немедленно выставил за дверь Ваан и Юй, велев девкам пойти поплавать. Сдернул с болвана белую простынь, которой тот все время был накрыт.

– Проблема! Слышь! Дела плохо пошли! Деньги нужны... много денег!

Он отыскал бумажник и принялся щедро кормить истука-на долларами. Но вдруг оцепенел.

«Это я что же... прошу у него денег и сам же ему деньги даю?»

Это походило на дурацкий каламбур из юмористического шоу.

«А зачем ему вообще деньги?» – задался Толян новым,

доселе не посещавшим его вопросом.

– А зачем тебе бабки? Ты че с ними делаешь?

Болван оскорбленно выплюнул долларовую бумажку.

– Да нет, я же не в обиду! Ну ешь, ешь, епт! Мне не жалко. Тебе зачем деньги нужны, ответь! Ты там их перевариваешь что ли?

Болван проигнорировал вопрос.

– Так, ладно! Мне денег надо семьсот тыщ, срочно! Проект горит! Понимаешь? Директор мне за них глаз натянет кое-куда! Давай там, я не знаю... Кинь мне идею, где бабки взять. Или сам че-нибудь сделай. Слышишь?

Толян присел на колени, глядя копилку по узколобой голове.

– Если тебе не деньги нужны, а что-то другое, ну... дай мне понять. Че те, кровь моя нужна? Душа? Бери!

В голове мелькнули кадры из какого-то исторического фильма, где кровью окропляли жертвенник в капище.

За весь день он ничего не добился от болвана и долго ворочался в постели без сна. Шумел кондиционер, пищали москиты. Все было мерзко, тошно и постыло.

Толян думал о встрече с Директором, о своей тайне, которую сейчас уже трудно, а в скором времени вообще станет невозможно скрывать.

«Не засну...» – подумал Толян. И ошибся.

Он стоял на ступеньках собственного дома в Глухово. Солнце сияло так, что из его лучей, как из живых нитей, ка-

залось, был соткан весь знакомый пейзаж. Если только это был тот пейзаж, который знал Толян. Газон перед его домом отчего-то очень походил на славное золотисто-зеленое футбольное поле, на котором играть босиком одно удовольствие.

Толян с наслаждением зажмурился. Такого теплого и родного солнца он не видел уже много лет. Даже тайское не шло с ним ни в какое сравнение.

По мощеной плиткой дорожке к его ногам подкатился круглый рыжеватый предмет, на котором вдруг проявилось чудное, веселое лицо. Не человеческое, но какое-то сказочное, мультяшное, с широкой, точно нарисованной улыбкой и озорными глазами.

– Привет! – крикнуло существо звонким голосом.

– А-э... Ты кто? – не понял Толян.

– Ну кто, как думаешь? Колобок наверно!

– Э-э... Че... Из сказки что ль?

– Из твоего сна! Я тебе снюсь.

– А-а... Ну... привет! Чего хочешь?

– Поглядеть на тебя хочу.

– Ты че, меня знаешь, что ль?

– А ты меня нет?

– Не-а.

Хотя по правде необычный гость показался Толяну смутно знакомым.

– О, дает! Считаю, росли вместе – не помнит! У тебя что вместо мозгов, капуста американская?

– Ну ты... не больно-то! – возмутился Толян. – Щас как дам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.